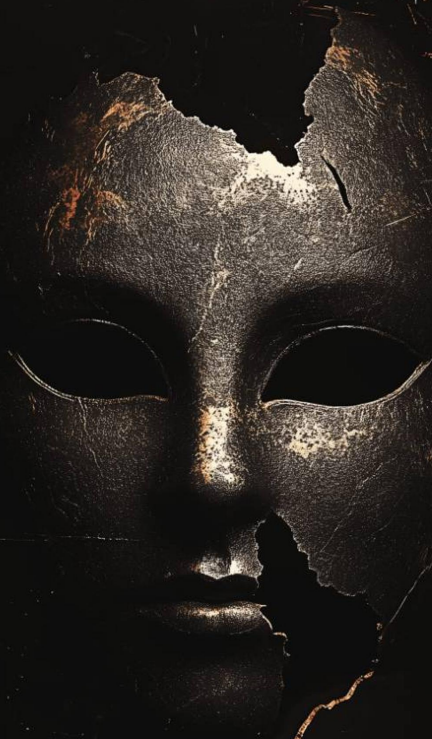

Сергей Абдалов

Боль

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Абдалов

Боль

*<https://litres.ru/74001111>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В центре сюжета — трагическая история Захара Жарова, чья жизнь была искалечена жестокостью отца и его окружения после смерти матери. Превратившись из забитого подростка в серийного убийцу, он становится воплощением коллективной вины жителей деревни, которые предпочли не замечать творившегося у них на глазах насилия.

Содержание

От автора	4
Вступление	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Боль

От автора

Данный текст содержит сцены жестокости и насилия. Если для вас неприемлемы подобные темы или вы не достигли совершеннолетия, настоятельно рекомендую воздержаться от дальнейшего чтения. Продолжая, вы подтверждаете своё согласие с тем, что содержание произведения может быть шокирующим.

Вступление

Геннадий замер за кухонным столом, осторожно заполняя гранёный стакан до самого края мутной жидкостью. Двадцать лет назад, он привык видеть рядом услужливых «шестёрок» и юных девиц, готовых обслуживать каждую прихоть хозяина, пока тот наслаждался властью и уважением среди местных уголовников. Теперь же, Поляна — бывший рубаха-парень и душой любого застолья — превратился в жалкого старикашку, оставшегося лишь с воспоминаниями о славных временах и с тяжким грузом прошлого на плечах.

Ночь окутывала город плотной пеленою тьмы, сквозь которую пробивался тревожный шум ветра. Холодный сквозняк распахнул старую оконную раму, выпустив наружу затхлый дух прокуренной комнаты и наполненный сыростью воздух снаружи. Геннадием овладело неприятное чувство тревоги. Тяжко шаркая стоптанными тапочками, он приблизился к полуоткрытому окну и аккуратно попытался закрыть его, однако ветхое стекло громко захлопнулось, засыпав подоконник обломками облезлой краски.

Ещё одно резкое движение воздуха бросило тяжёлые шторы в сторону окна, открывая взгляду неясную фигуру позади. Сердце мужчины сжалось от страха, когда впереди вне-

запно появились две красные точки, мерцавшие подобно огненным уголькам в абсолютной темноте. Следующая вспышка молнии высветила чудовище, стоящее прямо перед ним: квадратная форма головы, окружённая колючими волосами, напоминающими шкуру дикобраза.

Хрипло дыша, Геннадий поднял ближайший стул и метнул его в загадочную фигуру, но табурет сломался вдребезги, едва достигнув цели. Страх сковал мужчину, заставив прижаться к холодному подоконнику. Сигарета, догоравшая между пальцев, упала на пол, оставляя след дыма.

— Я знаю, кто убил Зинку, — произнёс неожиданно появившийся голос, похожий на детский тон маленького мальчика, уверенно заявляющего правильный ответ на заданный вопрос. Казалось, будто голос звучал издалека, усиливаясь металлическим эхом, расходящимся по всему помещению. — Это сделал ты...

Едва прозвучали эти слова, Геннадий ощутил странное ощущение влаги вокруг ног. Сначала вода медленно поднималась вдоль голеней, постепенно охватывая всё тело, проникая даже внутрь лёгких. К горлу подступил едкий запах алкоголя, который становился невыносимым, разъедающим слизистую носа и горло. Мужчину стало тошнить, его сердце бешено забилося в груди, пытаясь вырваться наружу.

— Помогите!.. Спасите!! — отчаянно кричал мужчина, беспомощно бормоча и спотыкаясь о мебель, спеша добраться до выхода. Однако дверной замок оказался заблокирован, препятствуя бегству.

Всё сильнее теряя контроль над ситуацией, Геннадий заметил, как из глубины заполненного водой помещения начала всплывать жуткая фигура женщины. Её облик напоминал кошмарный сон: деформированное лицо, опухшие черты, испачканные кровью раны и обожжённое до неузнаваемости тело, источающее отвратительный запах гниющей плоти.

— Почему ты пытаешься снова утопить меня? — глухо произнесла женщина низким голосом, глядя на Геннадия взглядом полыхающих красным огнем глазниц.

Вдруг рука монстра обвила шею мужчины, тянущего вверх, душившего своей мощью. Руки жертвы бессильно царапали пальцы мертвецки-холодной убийцы, пытаясь ослабить хватку. Хрустели кости, кровь хлестала из разбитой кожи, смешиваясь с грязной водой. Последнее, что видел Геннадий, были его конечности, устремляющиеся вверх, погружающиеся в непроглядную темноту комнаты, в которой больше не оставалось света, кроме тусклого сияния пустых глаз ненавистной погибшей женщины.

Глава 1

Автобус ПАЗ, содрогнувшись всем своим ржавым нутром, издал скрежет, похожий на предсмертный хрип. Он медленно отползал от кладбищенских ворот, словно боясь потревожить покой мертвецов, и растворился в облаке сухой пыли, унеся с собой последнее эхо земной суеты.

В салоне царила вязкая тишина, нарушаемая лишь натужным гулом мотора. Чужие, серые лица пассажиров застыли масками отстраненного равнодушия. Лишь двое выделялись из этой безликой массы: тётя Вера, чья доброта казалась такой же неизбежной, как смена времён года, и её муж Иван — Николай уважал его за хозяйственную хватку, хотя тот был вечно пьян. Их жизнь была гноящейся раной, прикрытой лоскутом быта: вечная война, перемирия, залитые водой, и любовь, больше похожая на взаимную пытку, которую они были не в силах прекратить.

Эти люди знали Галину Филипповну. Знали по-соседски, поверхностно, видя лишь фасад её жизни и ту роль, что она сыграла для своего сына Николая. О нём самом вспоминали редко — лишь смутные силуэты случайных встреч у подъезда да обрывки фраз, брошенных с лавочки после таких вот поездок.

Мир изменился навсегда. В тот самый миг, когда сердце матери остановилось, погасла последняя звезда в его вселенной. Исчезло всё: тепло рук, поддерживающих плечо, тихий голос, способный разогнать любую тьму. Остался лишь вакуум, абсолютное ничто, заполненное лишь звенящей болью одиночества и ледяным осознанием новой реальности.

Потеря родителей — это не просто горе. Это ампутация части души. Ты становишься сиротой, голым и уязвимым перед лицом мира, лишённым брони родительской любви. Будущее теряет краски, превращаясь в чёрно-белую киноленту ужаса, где каждый кадр пропитан страхом и неуверенностью. Ты выброшен за борт, дрейфуешь в океане хаоса, испытывая первобытное отчаяние.

Сегодняшний день стал надгробием прошлой жизни. Осознав своё полное, оглушительное одиночество, юноша начал понимать истинную цену материнского тепла — цену, которую теперь уже никогда не оплатить. Груз ответственности обрушился на его плечи гранитной плитой. Он чувствовал эту новую реальность каждой клеткой — тяжёлую, полную невыносимой грусти, лишённую всякого комфорта и намёка на счастье.

Время двигалось вперёд, неумолимо приближая закат —

последний акт прощания. Люди собирались в квартире на поминки. Они шептались, выражали соболезнования, предлагали помощь. Но их слова были пустыми сосудами, неспособными заполнить разверзшуюся внутри него бездну. Их фальшивое сочувствие казалось насмешкой над его настоящей болью.

Николай остался один. Совершенно один в чужом, враждебном мире, полном вопросов без ответов. Сегодня был последний день, когда он мог почувствовать аромат её пирогов, услышать ласковое слово. Завтра начиналась вечность. Холодная, непредсказуемая и сложная, где ему предстояло самому высекать искру смысла из беспросветного мрака.

Комната погрузилась в тишину. Не в спокойную, а в свинцовую, непроницаемую, физически ощутимую массу, которая нависла над сознанием и грозила раздавить его. Время остановилось, замерев в ожидании чего-то страшного и неотвратимого. Мир потерял цель, превратившись в пустыню, где обитают лишь страдания и разочарование.

Последний луч солнца скользнул по мокрым ресницам Николая, словно ставя жирную точку под приговором. Над городом опускалась ночь. Она принесла не умиротворение, а лишь временное оцепенение, иллюзию покоя перед новыми испытаниями. А будущее... оно оставалось зияющей черной

дырой, вызывающей липкую, животную тревогу.

Человек способен пережить многое, но эта потеря оставляет незаживающий шрам, глубоко врезанный в матрицу сознания. И только если дух окажется достаточно сильным, чтобы не сломаться, он сможет научиться носить эту боль как часть себя, сохраняя память не как якорь, а как единственный компас. Именно эта сила помогает выжить. Продолжать борьбу. Не сдаваться обстоятельствам. Преодолевать трудности. Или сгнуться во тьме, став ещё одной безмолвной тенью этого мира.

Коля никогда не покидал пределов своей комнаты. Как его сознание оказалось здесь, в этом каменном мешке посреди ночи, он не понимал и понимать отказывался. Реальность исказилась до неузнаваемости: дома превратились в безликие монолиты с острыми, как иглы, башнями, которые смыкались друг с другом сплошной стеной серого камня, образуя лабиринт без входа и выхода. Каждый поворот головы лишь подтверждал — пути назад нет.

Темнота сгущалась, становясь осязаемой, вязкой субстанцией, которая липла к коже и пыталась утянуть вниз, в сырую землю. И вдруг мёртвую тишину прорезала вспышка слабого жёлтого света в одном из узких окон-бойниц. Свет шёл изнутри древнего склепа, создавая иллюзию прикосновения

к чему-то вечному и мертвящему. В этом неверном сиянии метались тени — хаотичные, бесформенные фигуры, похожие на колонии бактерий под микроскопом, копошащиеся в поисках пищи.

— Шнурки завязать не умеет и в двадцать лет, — прокрипел издевательский голос, отскакивая звонким эхом от стен колодца двора.

— Окра-асился ме-есяц ба-гря-анцем! — взвыла другая тень, и свет тут же погас, словно захлопнулась крышка гроба. Мир снова погрузился в абсолютную, первобытную тьму.

Страх накрыл Николая ледяной волной. Он физически ощутил на себе чей-то взгляд — нечеловеческий, холодный, изучающий. Мурашки побежали по коже, сердце забилося где-то в горле, перехватывая дыхание.

— Ко-о-ля-я-я-а-аа! — заорало нечто прямо у него за спиной.

Он дёрнулся, обернулся, и реальность окончательно распалась. Каменные стены растворились, уступив место бескрайнему полю смерти. Перед ним раскинулось кладбище, уходящее за горизонт, беспорядочное нагромождение покосившихся крестов и памятников. Беспokoйный шелест сухих

растений усилился, сливаясь в глухой, злобный шёпот, который неотвратимо приближался.

— Коля... — раздался рядом тихий, но глубокий шёпот, отдающийся гулким эхом прямо в мозгу. Николай мгновенно напрягся. Голос принадлежал матери, но был чужим, лишённым жизни и тепла.

Сухостой хрустнул совсем близко. Звук быстрого, тяжёлого тела, рассекающего воздух. Голоса существ вокруг становились тише, сливаясь в единый, сводящий с ума гул:

«Живой! Он живой!»

Каждый повтор вонзался в мозг ржавым гвоздём, вгоняя в парализующую панику.

Внезапно мать схватила его. Её рука была обжигающе горячей, а тело сотрясалось мелкой, животной дрожью. А затем из теней вырвалось оно. Нечто огромное, быстрое и невообразимо мерзкое. Оно издало рёв, не имеющий ничего общего со звуком живого существа: «ОН ЖИВОЙ!».

Создание походило на освежёванную человеческую тушу. Вытянутая шея заканчивалась зияющей кровоточащей раной, из которой торчали ряды белоснежных, хищных зубов. Тварь набросилась на Николая, вцепившись зубами в воротник куртки и намертво впившись когтистыми пальцами в

ткань брюк. Разверстая пасть монстра напоминала бездонную воронку, готовую поглотить его целиком.

Запах крови и гнилостного перегара бил в ноздри. Липкая слюна капала на кожу, вызывая единственное желание — бежать. Ужас достиг пика, когда челюсти чудища щёлкнули в миллиметре от сонной артерии, собираясь сомкнуться навсегда.

Панически сопротивляясь, Николай изо всех сил толкал чудовище, отступая на шаг, другой... Почва ушла из-под ног, и он стремительно полетел в бездну. Глухой удар о твёрдый камень дна выбил из лёгких остатки воздуха, погружая в омерзительную, звенящую тьму.

Через мгновение парню открылось, что весь этот кошмар — лишь плод сновидения. Но пробуждение не принесло облегчения. Ночное путешествие оставило после себя не просто след, а глубокую, незаживающую трещину в сознании Николая, через которую теперь сочился холод той самой бездны.

Глава 2

Год 1960.

Ничто прекрасное не задерживается надолго, зато неприятности имеют свойство пускать корни в самую сердцевину бытия. Почему жизнь устроена именно так? Может, мы сами выбираем дорогу, по которой бредём до последнего вздоха, или же нас просто несёт течением в сторону неизбежной тьмы?

Наталья была воплощением той самой ускользающей красоты: длинные тёмные волосы с ночным блеском и глаза цвета бездонного омута. Василий, её муж, простой тракторист из совхоза «Колос», любил её слепо и преданно. Он спешил домой после смены, гонимый жаждой поскорее окунуться в тепло семьи, подальше от трактирной вони.

Жизнь катилась по накатанной колее. У юного Захара был свой мирок — зелёная «Рига-1» у крыльца и мерцающий экран «Рубина». А потом песочные часы их счастья перевернулись, и время посыпалось сквозь пальцы. Наталья занемогла. Озноб бил её худенькое тело, боль скручивала спину, но она терпела молча, пока муки не стали невыносимы. Диагноз прозвучал как выстрел: неизлечимо. Три недели агонии, и гармония рассыпалась в прах. Она умерла, оставив после

себя лишь эхо боли и пустоту размером со вселенную.

Дом превратился в склеп. Воздух загустел от тоски. Тихие шаги, взгляды украдкой и звон разбитой посуды — вот и всё, что осталось от жизни. Василий топил отчаяние в водке, выбрасывая тарелки одну за другой в приступах бессильной ярости. Каждый удар стекла отзывался спазмом в животе Захара, наблюдавшего, как отец пытается скрыть свою вину за натянутой, мертвой улыбкой. Под кухонным столом выросла батарея пустых бутылок — жалкая попытка взрослых залить горе, которая приносила лишь временное забытие, оставляя послевкусие ещё большей горечи.

Однажды реальность треснула окончательно. Вернувшись из школы, Захар застал на кухне чужую женщину. Зинаида. Отец представил её как помощницу. Простое, усталое лицо, грубоватая доброта и едкий дым дешёвых сигарет. Её присутствие было оскорблением памяти. Это чувствовалось кожей, вызывало жгучий стыд. Словно, приведя её в дом, отец подписал акт о предательстве матери, стерев её образ из стен этого дома.

— Никто и никогда не станет твоей настоящей мамой, — хрипло сказал Василий, пытаясь заглянуть сыну в душу. Слова были разумны, логичны. Финансы, будущее, поступление... Но логика здесь была неуместна, как хирургический

скальпель на похоронах. — Нам нужна поддержка. Просто иначе нельзя.

Но как бы гладко ни звучали эти доводы, принятие чужака под свою крышу — это всегда начало войны. Холодной, необъявленной войны компромиссов и подавленных обид. Обстановка осталась напряжённой, внешне спокойной, будто все договорились играть роли в плохой пьесе, избегая открытых конфликтов.

И дом умер. Перестал быть родным гнездом. Стал казармой, местом временного пребывания, где каждый жил сам по себе. Ушло внутреннее тепло, сменившись вынужденной зависимостью друг от друга. На смену любви пришла пустота и глухое смирение перед судьбой. Надежда вернуть утраченное счастье детства истлела, оставив после себя лишь горькую пыль и холод отчуждения.

Прежде чем избавиться себя от пожара ночного кошмара, иссушившего его внутренности, Николаю пришлось трижды опустошить стакан ледяной воды. Уже ближе к обеду появилась тётя Вера, обеспокоенно рассматривая необычную картину: на обеих руках молодого человека чётко выделялись крупные фиолетово-синеватые отметины, будто чья-то огромная ладонь оставила там отпечаток. Стараясь выгля-

деть естественно, Николай машинально спрятал повреждения, закрывая кисти ладонями, словно ученик, пострадавший от школьного насилия.

– Что это у тебя за синяки? – спросила соседка строгим голосом, разглядывая пятна на руках.

– Утром на полу обнаружил себя, видно, свалился, – невнятно объяснил Николай, садясь за стол, приготовленный тетей Верой.

Пока тётя сервировала блюдо, она неодобрительно качала головой, изучающе присматриваясь к юноше:

– Аккуратнее надо быть, – наставляла она с интонацией, в которой читалось скрытое подозрение. – Случайно упал, говоришь?

– Само получилось, – пожал плечами Николай, внимательно осматривая помещение, словно проверяя, не видит ли кто-то его падение.

– Ясно, – согласилась тётя Вера, успокаиваясь. – Ладно... Вечером принесу твои любимые морковные пирожки. Кстати, дядю Гену знаешь, слесаря?

Не заметить дядю Гену могли бы только обитатели Красной планеты, случайно оказавшиеся в городе. Славился он не столько профессиональным мастерством, сколько способностью ремонтировать жильё в совершенно пьяном виде. Успехи же его трудов отмечали восторженными аплодисментами соседи.

– Конечно, знаю, – ответил Николай, ничем не удивив собеседницу.

– Так вот, вчера ночью его приятели отрезали ему голову топором...

При этих словах воображение Николая мгновенно нарисовало чудовищную сцену из ночных страхов: существо в тельняшке, обезглавленное и истекающее ядовитой влагой, роется в окрестностях кладбища. Очередной фильм ужасов перемешался с дневной действительностью, вызвав в душе смутное чувство беспокойства и досады.

Позже, воспользовавшись хрупким затишьем в собственной голове, Николай вынес на балкон плетёное креслице. Он расположился в нём, положив локти на ржавые перила, и подставил лицо спящему солнцу. Птицы порхали в рас-

калённом воздухе, их беззаботная радость казалась издевательством над его внутренним холодом.

Внезапно внимание парня привлекло движение в окне девятиэтажного дома напротив. Внимание приковало нечто невозможное: вдоль стены лениво ползла огромная, бесформенная туша. Существо было покрыто грязной, свалявшейся шерстью, а за собой оно оставляло густую бордовую дорожку, похожую на кровавый след от гигантской улитки. Оно двигалось рывками, этаж за этажом, словно охотник, выслеживающий жертву по запаху.

Николай заворожённо наблюдал, как тварь достигла крыши. Там она замерла, будто принюхиваясь к ветру и выбирая следующую цель для своей медленной, неотвратимой охоты. Затем существо возобновило движение, но заметило внизу проблеск мигалки патрульной машины. С проворством, немислимым для такой массы, оно нырнуло за колесо автомобиля и исчезло из поля зрения, растворившись в тени.

Вечер вернул привычную рутину. Пришла тётя Вера с пирожками. Сидя на продавленном диване, Николай механически пообещал съесть угощение позже, жалуясь на бессонницу и глухое раздражение, поселившееся под ребрами. Соседка, бросив на него тревожный взгляд и предупредив о чём-то невнятном, удалилась, оставив после себя лишь запах ва-

нили и гнетущую тишину.

Одинокий молодой человек включил телевизор, наткнулся на любимую передачу, которую они смотрели вместе с матерью, и в ту же секунду нажал кнопку выключения. Механизм щелкнул оглушительно громко. Радость прошлых моментов была безвозвратно утеряна, отравлена ядом реальности. Оставшись наедине с собой, он долго смотрел на своё мертвенно-бледное отражение в чёрном зеркале экрана, думая о своём новом статусе — статуса живого мертвеца, запертого в клетке воспоминаний.

И тут тишину прорезал звук. Что-то тихо звякнуло в коридоре. Тихий, мелодичный звон, похожий на маленький колокольчик, призывающий к действию. Сначала Николай решил, что это игра уставшего сознания, фантомный шум. Но металлический звон повторился. И ещё раз. Пока тихий перезвон не перерос в настоящий грохот, сотрясший стены. Звук шёл из-за двери комнаты матери. Словно невидимая рука сорвала дверь с петель, приглашая Николая взглянуть во тьму, из которой нет возврата.

Глава 3

«Глухарь...» — мысль, тяжёлая и холодная, как свинец, осела в мозгу майора милиции Егора Петровича Ефимова. Он стоял посреди комнаты, тщетно пытаясь сшить лоскуты этой кровавой мозаики в логичную картину. Нигде ни малейшего признака борьбы, никакого орудия убийства — того самого топора, которым снесли голову несчастному слесарю. Никаких следов вечеринки, на которой, по показаниям соседей, присутствовали минимум двое. А дверь? Пришлось ломать её, чтобы попасть внутрь. Значит, убийца, совершив своё дело, спокойно запер за собой замок на ключ и растворился в ночи? Единственное свидетельство безумия — лишь истошные, захлебывающиеся крики о помощи, которые соседи списали на очередную пьяную ссору. Загадка... Настоящий «глухарь»... Дело, которое будет годами пылиться в архиве, отравляя статистику.

Вернувшись домой, когда город уже спал, Егор Петрович вошёл в свою небольшую квартиру. Он небрежно бросил синеватую служебную папку на верх шкафчика в прихожей. Сняв с ног тяжёлые, пропылённые ботинки, он босиком прошёл в гостиную. Здесь, в уютном полумраке, его ждал островок стабильности: удобный диван, прижимающийся к ста-

ринной деревянной стене, два глубоких кресла по бокам и между ними — низкий столик. На нём возвышалась массивная антикварная лампа с тяжёлым деревянным корпусом и ярким абажуром, а рядом красовался изящный кофейный столик, увенчанный коллекционными фарфоровыми статуэтками — хрупким напоминанием о другой, мирной жизни.

На массивной тумбочке в углу кабинета ждал его сюрреалистический страж — старинные бронзовые слоники, чинно выставленные в ряд. Между их хоботами важно возлежали часы с маятником. Их мерное «тик-так» сейчас показывало ровно половину первого ночи. Несмотря на поздний час, расследование продолжало пульсировать в висках тупой болью.

Констатировав очевидное отсутствие результатов и изнуряющую пустоту кабинетной работы вместо настоящей сыскной деятельности, он расстегнул верхнюю пуговицу форменного кителя и расслабленно выдохнул. Тугой ремень перестал давить на грудь. Он извлёк из кобуры свой верный «ПМ»¹ и бережно уложил оружие в ящик тумбочки. Металл ещё хранил дневное тепло.

Разминая затёкшие ступни, майор похрустел суставами

¹ 9-мм пистолёт Мака́рова — советский самозарядный пистолет, разработанный советским конструктором Николаем Фёдоровичем Макаровым в 1948 году.

пальцев. Приятное облегчение разлилось по телу после долгих часов в тесной обуви. Расслабленно шевеля пальцами босых ног на прохладном паркете, он позволил себе эту маленькую роскошь — свободу от уставных оков. Устав от рабочего напряжения, он нежно провёл ладонями по задней части шеи, пытаясь снять каменное напряжение мышц.

Наконец, сбросив раздражающий китель, стеснявший каждое движение, Петрович отправился на кухню. Открыв широкий холодильник, который выглядел как большой белый сейф, он увидел её — заветную бутылку армянского коньяка. Она дождалась своего часа.

Держа её в руках, Егор Петрович вернулся обратно в гостиную и удобно разместился на диване. Он налил янтарную жидкость в бокал и ненадолго задумался. Память услужливо подбросила один памятный эпизод: как много лет назад он получил заслуженную медаль за выдающиеся заслуги. Тогда он раскрыл дерзкое дело, связанное с захватом особо опасного преступника. В тот раз всё было ясно: вот враг, вот оружие, вот улики. Сейчас же... сейчас перед ним была лишь глухая стена и мёртвое тело с отрубленной головой.

Он сделал глоток. Коньяк обжёг горло, но не принёс успокоения. Вкус у него был как у старых опилок. Петрович посмотрел на тёмный экран телевизора и понял: сегодня он не

найдёт здесь покоя. Дело о слесаре не отпускало его. Оно было здесь, в этой комнате. Оно смотрело на него из тёмного угла за шторой.

Обглоданные крысами тела людей висели вверх ногами над огромной кучей сгнившего картофеля в самом углу хранилища. Без кожи и с выеденными лицами, в них уже было невозможно признать ни одного пропавшего без вести человека. Последний раз в Матрёнином Хворе их видали в доме семьи Жаровых. Свидетели наперебой рассказывали о человекоподобном монстре, который взялся ниоткуда, как раз после исчезновения Захара Васильевича. Высокий человек в чёрной мантии и огромным горбом на протяжении года держал в страхе деревню. О его существовании знали все и некоторые даже видели маньяка «вживую», чудом избежав гибели. Все описывали его как демона с горящими глазами и уродливым лицом, на которое, если смотреть долго, можно сойти с ума.

Местный участковый был осведомлён обо всех слухах о деревенском маньяке, но не оставляя улик, убийца считался лишь плодом воображения сельчан. Всё было как на ладони. Одни гибли в поножовщине друг с другом; другие оканчивали с жизнью самоубийством, иногда извращённым способом.

Так, один алкоголик сам себе отрезал половые органы, прежде, вырезав органы у своей подруги. Оба умерли от потери крови в нескольких метрах от могилы Натальи Жаровой. И хоть в это время, свидетель, что был третьим в этой компании и твердил о чудовище в человеческом обличии, участковый не поверил парню. Он, как и те двое были недоделанными сектантами, что устраивали оргии на кладбище. В ходе расследования, было доказано, что именно этот парень и убил тех двоих, свалив вину на мифологического убийцу.

Людей, что висели вверх ногами, что потом, задерживая дыхание, снимали областные милиционеры, не стал съедать даже каннибал, оставив тела на пропитание пожирневшим грызунам. Сейчас в его котле кипели останки от извращенцев, что сношались на могиле его матери. В углу, тяжело дыша, расставив ноги, сидела его последняя жертва и с ужасом ждала, когда маньяк начинает впихивать в нее полусырое мясо.

— Кушай,— будет неразборчиво говорить монстр, отмороженными пальцами нажимая на скулы девушки, толкая ей в рот горячую ложку. — Тебе рожать скоро, сил много надо. Теперь ни баба Зоя будет принимать у тебя роды, а я ...Убить?.. Нет, я не убью Галину. Галина моя любимая...

Ребенка?.. Ты же не убьешь ребенка? Ты не сможешь этого сделать... Да, пусть сначала подрастёт, мы потом его убьём... Когда он будет походить на Витеньку...

Монолог каннибала всегда был похож на бред двуличного человека, и со стороны это всё напоминало разговор с самим собой. Кто-то второй жаждал смерти всех окружающих маньяка, хотя сам он явно не хотел беспричинной жатвы. Вот только кто был из них хозяином этого искалеченного тела, понятно не было. Иногда маньяк ревел, совсем как обиженный мальчик и падая на колени перед Галиной целовал ей ноги, умоляя простить.

Иногда он подбегал к ней и больно пинал в живот, дико крича, чтобы урод находившейся в её утробе,сдох. Сама же Галина уже сбилась со счёта, сколько времени она находится в этом сыром и душном подвале, задымленным от железной печи. Её живот уже заметно подрос и наверное пленница сидит в заточении уже больше двух месяцев. За это время её пленитель, как древний человек приносил жене в пещеру зверей, натаскал в хранилище больше десятка убитых им людей. Чаще всего одежда на них была не первой свежести, а отекие лица явно принадлежали запойным алкоголикам. Часами маньяк кропотливо расчленял своих жертв и густо посыпая солью, складывал их в глубокую яму, что собственноручно выкопал именно для этого.

На поверхность каннибал выходил через вентиляционную трубу, что с годами превратилась в просторный выход. Вход в подвал же, пленитель завалил каменным мусором, собрав его от старой школы. И как мальчику, десятилетнему сыну дачников, удалось проникнуть в хранилище, для женщины до сих пор оставалось загадкой.

Но один вопрос не давал покоя женщине всё время, проведённое ею здесь.

Внешность чудовища — сшитое из разных частей лицо, перевязанное тонкой проволокой и грубо наложенными швами, сутулость, горбатая спина и заметная хромота — напоминали ей кого-то невероятно знакомого. Чем дольше она думала, тем яснее понимание формировалось в голове...

Это был Захар?

Тот самый мальчик, которого она знала ребёнком, красивый и добрый мальчишка, выросший в замкнутого и скрытого подростка. То обстоятельство, что Захар являлся единственным сыном погибшего Василя, привело её к следующему выводу: если это правда, то значит, именно он расправился с отцом, женой отца — Зинкой и всеми теми людьми, которые собрались в тот роковой день в родительском доме.

Кто знает, какие обстоятельства подтолкнули бывшего ти-

хого подростка на столь жестокие поступки? Возможно, годы внутренней борьбы, обид и унижения породили в нём жажду мести, исказив психику и превратив нежного ребенка в монстра, созданный самим обществом и обстоятельствами. И если предположение верно, то судьба Захара уже predetermined, а женщина волей-неволей стала свидетелем последних минут жизни человека, уничтожающего тех, кто когда-то разрушил его собственную жизнь.

На следующий день, когда Галина узнала, что её парень, геройски расправившись с насильником матери, предстал в роли защитника и мстителя, она незамедлительно оборвала отношения. Ведь спасение произошло ценой преступления, разрушая иллюзии чистой любви и романтики.

Прошла неделя, и новость о беременности Галины привела её в замешательство. Скорее всего, ребенок принадлежал Виктору, бывшему любовнику, жертвой которого она едва избежала. Решив избавиться от нежелательного плода, Галина отправилась к бабушке Зое, известной народной целительнице, владевшей искусством прерывания беременности.

Однако бабушка отказалась проводить процедуру, утверждая, что она находится на стороне Бога и больше не вмешивается в дела природы. Отправиться в районную больницу помешал трагический случай: взрыв завода неподалеку от

деревни привел к созданию огромного лагеря помощи, где врачи круглосуточно боролись за жизни пострадавших.

Среди множества потерь, травм и трагедий Галина поняла, что шанс провести аборт потерян. Поглощённая стрессом и переживаниями, она провела долгие недели среди пострадавших, помогая врачам и медицинскому персоналу, теряя счёт времени и делам личного характера.

Затем, спустя месяцы, встретив странное существо в подземелье, Галина испытала шок. Образ чудовища с поврежденным лицом, скрытым спутанными волосами, напомнил ей о событиях прошлого. Глубокая внутренняя уверенность подсказывала ей, что перед ней стоит не просто неизвестный преступник, а тот самый Захар, который когда-то был простым мальчиком, любимым братом и товарищем.

Мысль о совпадении была абсурдной и страшной. Ведь тот самый Захар, которого она знала ребенком, теперь предстал в образе жестокого убийцы и каннибала, способного наносить неслыханные пытки людям, подвергшимся нападению Виктора и его дружков. Захар не был беззащитным ребёнком, которого легко обмануть и подчинить воле старших братьев. Напротив, он проявил необычайную стойкость и умение выживать в условиях стресса и угроз.

Его методы казни жертв были дьявольскими: удаление кожи с тел, приправленных солью, как рыбу зимой, и затягивание процесса, приводящее к продолжительной и мучительной гибели. Услышав крики жертв, Галина тоже едва не потеряла сознание, осознавая глубину зла, скрывавшегося в маленьком поселке.

Таким образом, встреча с прошлым приобрела мрачный оттенок, символизирующий последствия решений, принятых в юности, и необходимость столкнуться с последствиями, которые невозможно отменить или исправить.

Теперь, по кусочку их доедали крысы.

В тот день, чудовищный маньяк, как всегда, пытался накормить женщину мясом.

Пленницу выворачивало наизнанку, когда её рот наполнился сладковатым куском мяса, но изверг проталкивал его дальше своими обмороженными пальцами, как ни в чём не бывало улыбаясь разорванным ртом.

Взрыв возле входа приглушил собой женские вопли, а яркие вспышки и закладывающие уши хлопки шумовых гранат оглушили находящихся в подземелье маньяка и жертву.

Никто ничего не мог понять. Военные, что были вызваны для спасательной операции по освобождению заложницы, действовали не дольше тридцати секунд. Подорвав завал у входа, саперы освободили проход для вооружённых людей.

Слепо размахивая перед собой топором, каннибал так никого и не задел, а один из милиционеров выстрелил из пистолета чудовищу прямо в грудь. Это был первый выстрел теперешнего майора, что, только закончив учебку, был направлен на спецоперацию по ликвидации деревенского маньяка.

— Здесь еще один! – крикнул Егор, пытаясь уловить в темноте ковыляющую фигуру коротконого человека в черной одежде. — Кажется здесь ребенок! Ребята, здесь надо всё проверить!

Галину бережно укутали тёплым одеялом и помогли выбраться на солнечный свет, выводя из мрачной атмосферы погребца. Вместе с ней сотрудники скорой помощи эвакуировали раненого мужчину, крупного и крепкого, найденного неподалёку от входа. Несмотря на серьёзные ранения, он дышал и сохранял признаки жизни, отправившись в медицинское учреждение для оказания необходимой помощи.

Для сотрудников правоохранительных органов работа продолжалась. Они методично исследовали помещение, стараясь выявить любые улики, свидетельствующие о происшедших событиях. Во время поисков время от времени им приходилось прерывать деятельность и выбегать на свежий воздух, дабы избежать рвоты, вызванной сильным ароматом разложения человеческих тел.

Особенно трудным оказался осмотр дальних углов помещения, где находились останки многочисленных жертв каннибала. Признаки распада тканей и специфический запах, распространяемый гнилыми тканями, затруднили процесс идентификации погибших. Работы велись непрерывно, сопровождались постоянным контролем состояния здоровья персонала и соблюдением санитарных норм.

Сам лейтенант Ефимов также участвовал в осмотре территории, детально обследовав каждое доступное пространство, включая удалённые углы подвального помещения. Несмотря на усердие и внимательность, ему не удалось обнаружить след неизвестного злоумышленника, находящегося поблизости от тела каннибала. Этот факт вызвал немало сомнений и размышлений относительно подлинности наблюдения лейтенанта.

Возможность присутствия постороннего лица в помещении вызывает подозрения и добавляет дополнительные сложности в ходе расследования. Необходимо дальнейшее изучение обстоятельств и сбор дополнительной информации, позволяющей установить личность второго участника событий и причины его появления на месте преступления.

Глава 4

По почти пустой бутылке коньяка майор понял, что воспоминания затянули его глубже, чем хотелось бы. Стоило начать разбираться в запутанном убийстве с расчленёнкой, как сразу в памяти оживала история одного сумасшедшего маляка, терроризировавшего городок десятки лет назад. Тогда, творя самые жестокие преступления, он сумел стать частью детских страхов, воплотившись в ночной кошмар каждого малыша города.

Погрузившись в прошлое, майор не заметил, как наступила кромешная тьма. Молочный лунный свет еле освещал комнату, подчеркивая сумеречный пейзаж за окном. Очнувшись, он услышал неприятный звук из кухни: звон ложки в стакане, ритмичное цоканье и что-то непонятное, с мягким чавканьем скачущее по столу. Предмет, казалось, был мокрым и слизистым, как будто недавно плавал в луже свежей крови.

Поднявшись с дивана, майор попробовал включить свет, но лампа отказывалась реагировать на команды. Выключатель бесполезно щелкал, словно издеваясь над хозяином. Тем временем на балконе что-то появилось, бросив багро-

вый оттенок на прозрачное стекло двери. Красная линия шириной в палец проходила по всей длине полотна, начиная от верхней рамы и заканчивая нижней. Кто-то постарался размазать густую краску по поверхности стекла, оставляя неровный, рваный след.

Теперь внимание майора переключилось на кухню. Подойдя ближе, он увидел аналогичный красный след на окне, ведущий к форточке. Бурый остаток вещества исчезал, упираясь в угол открытого окна, словно желая показать направление побега неведомого существа.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал майор, ускоряя шаг и направляясь в кухню.

Там, в слабом свете луны, игравшем бликами на клеенчатой скатерти, плясал необычный объект. Похоже на резиновый мяч, покрытый шерстью, этот волосатый предмет скакал по столешнице, оставляя жирные капли крови. Минуты ожидания переросли в настоящее безумие, когда на глазах изумленного полицейского этот мячик повернулся, обнаружив человеческое лицо.

Черты лица принадлежали слесарю Геннадию, труп которого утром обнаружили в квартире с отсутствующей головой. Лицо было абсолютно живым: белки глаз страшно за-

катывались, рот искажался болезненной гримасой, обнажая черные десны и частично сгнившие зубы. Но хуже всего было выражение: как будто голова что-то видела, хотела сказать, но уже не могла выразить словами.

Майор ахнул, вскрикнул и отшатнулся назад, налетев на деревянный буфет. Старый шкаф жалобно задрожал, полки обрушились, посыпались блюда и чашки, зазвенело стекло, разлетаясь мелкими кусочками по полу.

Испугавшись еще сильнее, майор бросился к выходу, преследуемый головою. Головушка скачет, хлюпает шеей, сочащейся кровью, и неумолимо приближается к жертве. Добежав до зала, майор нашел спасительный оружейный тайник, достал оттуда пистолет и развернулся навстречу атакующему существу.

Однако случилось непредвиденное: боевая пружина пистолета дала сбой, выстрел не произошел. Вместо громкого хлопка прозвучал лишь мягкий щелчок. И в этот момент голова слесаря достигла своей цели, сокрушительно вонзив зубы в лицо поражённого майора. Последние ощущения полиция оказались невыносимой мукой и ощущением полного разрушения тела. Горечь и кровь смешались в единое целое, грозя захлебнуть собой остатки сознания, сохранившегося в умирающем человеке.

Уже полчаса Николай пристально наблюдал за ручкой двери, которая будто ожила и начала судорожно вибрировать. Казалось, будто она чувствует взгляд и на мгновение замирает, но затем вновь принимается дергаться, словно стремясь освободить путь кому-то или чему-то, находящемуся за ней.

Сквозняк? Сон?.. Нет, теперь это уже не могло быть просто фантазией или игрой воображения. Задерживая дыхание, Николай осторожно подошел к двери, прислушиваясь к любому подозрительному звуку. Его сердце учащенно билось, ладони покрылись испариной, в горле пересохло.

Сделав осторожный шаг к двери, он внезапно замер, услышав мелодичное пение, доносящееся из-за нее. Это был голос, который он запомнил на всю жизнь — голос матери, певшей ему колыбельную в детстве. Сейчас же он звучал с нотками глубочайшей печали и тоски, проникая прямо в самую душу:

«Звезды соберутся в длинный, млечный путь,
А на земле проснутся ветры. Будут дуть...»

Становилось ясно, что вернуться назад, в безопасность, уже невозможно. Сделав глубокий вдох, Николай твердо ре-

шил проверить источник звуков и осторожно повернул ручку двери. Открыв её, он столкнулся с жутким зрелищем: запах гнили и сырости ударил в нос, а холодный воздух, проникающий из комнаты, создал эффект отсутствия стен. Пространство словно расширялось, поглощая свет и звуки внешнего мира.

Первый шаг вглубь комнаты завершился опасным скольжением по ступеньке, ведущей вниз. Резко вцепившись в дверной косяк, Николай остановился, сердце бешено колотилось, легкие жадно хватали воздух. Перед ним простиралась глубокая темнота, и впервые за долгое время он испугался по-настоящему.

Сзади, в отдалении, доносился негромкий плач матери, словно идущий из другого измерения. Впереди простирались ступени лестницы, ведущие неизвестно куда. Он осторожно двинулся вперед, спускаясь по старым каменным ступеням, ощущая под ногами мерзкую влагу и плесневый запах.

Наконец, подойдя к последнему контейнеру, Николай спрятался за ним, стараясь остаться незамеченным. Ситуация становилась все более угрожающей. В центре комнаты возвышалась высокая фигура в мешковатом балахоне, явно превосходящем размеры человеческого тела. Этот стран-

ный субъект бродил по комнате, шатаясь и шаркая ногами, его огромный горб нелепо выступал из спины, придавая ему сходство с фантастическим созданием.

Облик человека был чудовищно изуродован: шрамы пересекали лицо, переплетаясь капроновыми нитками, веко левого глаза было пришито к щеке, а большие рваные раны рта стягивала ржавая проволока. Два небольших выступа, оставшихся от ушей, представляли собой куски высохшей кожи, покрытые запекшейся кровью.

Осознав масштаб происходящего, Николай не мог поверить своим глазам. Ужас переполнял его, желудок сводило судорогой, сердце готово было выскочить из груди. Он почувствовал себя игрушкой в руках высших сил, втянутой в игру, полную мракобесия и безумия.

Стараясь оставаться незаметным, он наблюдал за каждым движением этого чудовища, зная, что обратного пути нет. Он был пойман в паутину кошмара, выйти из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.